

УДК 379.8
ББК 26.89
Л86

Лурье Л. Я.

Л86 Петербург Достоевского. Исторический путеводитель. — СПб.: БХВ-Петербург, 2012. — 352 с.: ил.

ISBN 978-5-9775-0748-6

Путеводитель знакомит читателя с Петербургом Достоевского: историческими районами города, где с 1837-го по 1881 годы жил писатель и где проживали герои почти всех его романов. Путеводитель состоит из 5 маршрутов, каждый из которых рассчитан на 2–3-часовую пешеходную экскурсию.

Для широкого круга читателей

УДК 379.8
ББК 26.89

Группа подготовки издания:

Главный редактор	<i>Екатерина Кондукова</i>
Зам. главного редактора	<i>Екатерина Трубей</i>
Зав. редакцией	<i>Елена Васильева</i>
Редактор	<i>Ирина Латыпова</i>
Компьютерная верстка	<i>Людмила Чесноковой</i>
Корректор	<i>Екатерина Васильева</i>
Дизайн обложки	<i>Марины Дамбиевой</i>
Фото	<i>Кирилла Сергеева</i>

Подписано в печать 27.04.12.

Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.

Тираж 5000 (1 — 3000) экз. Заказ №

«БХВ-Петербург», 190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28

ISBN 978-5-9775-0748-6

© Лурье Л. Я., 2012

© Оформление, издательство «БХВ-Петербург», 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предумышленный город	6
Маршрут 1	
Город, который не любил Достоевский.....	36
Маршрут 2	
От замка к крепости.....	98
Маршрут 3	
С Раскольниковым по окрестностям Сенной	180
Маршрут 4	
Последнее десятилетие (по обе стороны Невского)	250
Маршрут 5	
Память о Достоевском.....	326
Пообедать в Петербурге Достоевского	346
За покупками в Петербург Достоевского	350

МАРШРУТ 3

С РАСКОЛЬНИКОВЫМ ПО ОКРЕСТНОСТЯМ СЕННОЙ

Маршрут идет по одному из самых запущенных и трущобных городских урочищ. Если во времена Достоевского квартал был набит людьми активными, социально-опасными, то сейчас его базис составляют разночинцы, пенсионеры и алкоголики, знакомые друг с другом со школьной скамьи. Это, конечно, не Гарлем, но нищих и пьяных вы увидите, без сомнения.

Новый российский капитализм у Сенной площади носит какой-то домашний, коммунальный характер. Может быть, это и неплохо для наших локальных целей: *genius loci* этих мест не изменился с тех пор, когда по нему бродили Достоевский и Раскольников.

С 1860 по 1873 год Федор Достоевский жил именно здесь, поменяв девять квартир. Больше всего времени ему пришлось обитать к северу от Сенной площади, между Гороховой и Садовой улицами и Вознесенским проспектом.

Это перенаселенные кварталы, прилежащие с юга к административному центру. Тут нет ни театров, ни учебных заведений, ни парков. Каменные ущелья доходных домов, амбары, рынки. Так что впрямь задумаешься, как Родион Раскольников: «Почему именно, во всех больших городах, человек не то что по одной необходимости, но как-то особенно склонен жить и селиться именно в таких частях города, где нет ни садов, ни фонтанов, где грязь и вонь, и всякая гадость».

Гороховая и Вознесенский вели соответственно в Семенцы и Роты — зафонтанные предместья, бывшие военные городки. Среди их жителей преобладали обитатели гвардейских казарм, с некоторым вкраплением студентов (рядом — институты: Технологический, гражданских инженеров, путей сообщения).

Полуостров, образуемый каналом рядом с Сенной площадью, называют Петербургом Достоевского. Здесь писатель прожил много лет, тут происходят основные события «Преступления и наказания». Петербург Достоевского — такой же топоним, как «Острова» или «Охта». Всякий в Питере покажет, как добраться до этой в некотором смысле измышленной части города. Вопрос о том, существует ли в реальности «Дом Раскольникова» или «Дом Рогожина», то есть имел ли Федор Михайлович в виду вполне определенные адреса, лестницы и чердаки, — дискуссионен. Петербуржцы, однако, твердо знают, где именно Свидри-

1. Семеновский плац (ныне — Пионерская площадь)	14. Юсупов (Юсуповский) сад
2. Гороховая улица	15. Квартира Аполлона Майкова
3. Дом Домонтовичей	16. Кокушкин мост
4. Дом Петровых	17. Дом Зверкова
5. Казармы местных войск	18. Дом Астафьевой
6. Дом Яковлева	19. Колесоотбойные тумбы
7. «Дом Рогожина»	20. Дом Евреинова
8. Сенная площадь	21. Дом Олонкина
9. Сенной рынок	22. Здание Казенной палаты и губернского казначейства
10. «Вяземская лавра»	23. «Дом Раскольникова»
11. Гауптвахта Сенного рынка	24. «Кондитерская Миллера»
12. Дом Мейнгардта	25. «Дом Сонечки Мармеладовой»
13. Таиров переулок	26. Вознесенский мост

27. Дом Ширмера
28. Красноградский (раньше — Вознесенский) переулок
29. Здание Екатерининского общественного собрания
30. Квартира Галины Старовойтовой
31. Подьяческие улицы
32. Львиный пешеходный мост
33. Изгиб канала Грибоедова перед Театральной площадью
34. «Дом старухи-процентщицы»
35. Полицейская часть
36. Квартира Достоевских
37. Никольский морской собор

Невский проспект за Владимирской улицей (1855)

Бассейная от Знаменской к Лиговскому каналу (1862)

гайлов подслушал разговор Сонечки и Родиона Раскольникова. И с этой виртуальной реальностью приходится считаться. Петербург Достоевского существует так же, как Лондон Диккенса или Париж Бальзака. Гулять здесь стоит, освежив в памяти историю, случившуюся однажды летом с неким нищим студентом и старухой-процентщицей.

Хотя значительная часть зданий здесь действительно сохранилась со времен Достоевского, улицы все же сильно изменились: булыжную мостовую сменила асфальтовая, большая часть домов подверглась капитальному ремонту или была надстроена, исчезли многие знаменитые рынки Садовой улицы, разрушены две главные высотные доминанты — церковь Вознесения Господня и церковь Спаса-на-Сенной.

Между Фонтанкой и каналом Грибоедова в старом Петербурге располагалась Спасская часть. Она лежала по обе стороны от Большой Садовой — главной в городе того времени торговой улицы. От Гостиного Двора до Крюкова канала тянулись рынки. В Апраксином дворе торговали дичью, фруктами, грибами и ягодами, на Сенном рынке — мясом и овощами, на Горсткином — рыбой, на Александровском — подержанными вещами, на Никольском — всем перечисленным, и там же нанимали на работу прислугу и поденщиков. Местность изобиловала ремесленными мастерскими, амбарами, недорогими трактирами. Население было крестьянским и купеческим. Много жило в этом районе бойких ярославцев — русских янки. Кишмя кишели нищие, карманные воры, спившиеся личности, дешевые проститутки. И хотя в советское время большинство рынков закрылось, район не потерял своего духа: здесь торгуют всякой недорогой всячиной, людно, много пьяных и бомжей, дома как-то особенно грязны и неухожены.

За каналом Грибоедова — Казанская часть, чуть более чистая и благоустроенная. Ее особенность — необычайно плотная жилая застройка, почти полное отсутствие зелени, дворы-колодцы. Во времена Достоевского на Мещанских улицах (Большая Мещанская сейчас называется Казанской, Средняя — Гражданской, Малая Мещанская — Казначейской) жило много протестантов, по преимуществу немцев. 35 % населения составляли католики и протестанты (выше, чем в среднем по городу, в 2 раза).

Вообще преобладал наплывной, неукорененный в городе элемент. Если в составе населения столицы урожденные петербуржцы составляли треть, то здесь их было всего 7%. Велика была доля родившихся за границей и в Прибалтике.

Большая часть доходных домов в середине XIX века уже была построена. Места здесь — чрезвычайно густонаселенные (плотность населения в 27 раз превышала среднюю по городу). Исследователь тогдашнего города отмечал: «Этот квартал... оказывается самым пестрым из всех, в нем стекаются представители решительно всех губерний и частей России и всех государств Западной Европы. В нем же коренное население, которое везде представляет избыток женщин, оказывается состоящим преимущественно из мужчин, а пришлое население, наоборот, преимущественно из женщин». Дело в том, что «упомянутые кварталы отличаются стечением большого количества одиночно и вместе живущих женщин легкого поведения, между которыми финляндки и курляндки на Сенной и лифляндки в Подъяческих занимают видное место».

Близкий знакомый Достоевского, автор имевшего сенсационный успех романа «Петербургские трущобы», Всеволод Крестовский писал об этих местах: «В Мещанских, на Вознесенском и в Гороховой сгруппировался преимущественно ремесленный, цеховой слой, с сильно преобладающим немецким элементом. Близь Обухова моста и в местах у церкви Вознесения Господня, особенно на Канаве, и в Подъяческих лепится население еврейское, — тут вы на каждом почти шагу встречаете пронырливо-озабоченные физиономии и длиннополые пальто с камлотовыми шинелями детей Израиля».

Плотная застройка этой части города, сохранившаяся до нашего времени, узкие двory-колодцы, скучные, мрачные коридоры улиц, прорезаемые живописно изогнутым Екатерининским каналом (ныне — Грибоедова), придают кварталам Спасской и Казанской частей особое своеобразие. Эти районы и называют «Петербургом Достоевского».

Нелишним будет привести описание здешних дворов из тогдашних справочников и путеводителей: «Небольшие узкие двory, окруженные со всех сторон четырех- и пятиэтажными флигелями, изображают собой скорее колодцы или ямы, чем двory.

Между камнями булыжника всегда много мусора, который нельзя при всем старании дворников удалить прутьями метел. В боковых и задних частях дворов расположены коровники, конюшни, мусорные, навозные ямы и, наконец, простые общие отхожие места, изо всех этих помещений несетя зловоние, распространяющееся по двору. На тех же дворах выгребные ямы покрыты люками с часто разломанными деревянными крышками. Иногда при домах бывают световые дворики, на них сваливается нередко всякий мусор, и они превращаются в помойную яму с невыносимым зловонием... Во многих домах существуют чердачные, подвальные и угловые помещения, густо заселенные. Все переустройства и переделки в этих домах сводились исключительно к тому, чтобы утилизировать каждый уголок дома, с целью вместить возможно большее число квартир.

Квартиры, которые находятся на вторых и задних дворах, имеют один ход — по темной, узкой, нередко зловонной лестнице, лестничные марши крутые, ступеньки и площадки мокры и скользкие от грязи и от изливающихся на них жидкостей из находящихся тут же простых отхожих мест. Хотя еженедельно, по субботам лестницы моются дворниками, но это мытье производится метлами, еще более размазывающими грязь, то оно собственно мытьем не может быть названо.

В первой комнате от входа в такие помещения находится плита, если же при квартире устроен ватерклозет, а не простое отхожее место, то он помещается тут же. Комнаты в этих квартирах очень маломерны, иногда высотой менее 3,5 аршин. Большей частью они состоят из 1, 2 или 3 больших комнат, разгороженных тоненькими, оклеенными дешевыми обоями переборками, чаще всего не достигающими до потолка. Поэтому при скудном освещении вообще такие квартиры превращаются во множество клетушек темных или полутемных, без всякой вентиляции, если не считать печь, с постоянной сыростью на стенах и на откосах окон. Иногда в этих же сырых помещениях находятся чугунные печки с длинными патрубками через всю комнату. К общей характеристике квартир в домах необходимо отчасти также и то, что редко можно видеть дома, в квартирах которых не было бы крыс, мышей, клопов и тараканов».

Словом, «пыль, кирпич и известка, опять вонь из лавочек и распивочных, опять поминутно пьяные, чухонцы-разносчики и полуразвалившиеся извозчики».

СЕМЕНОВСКИЙ ПЛАЦ

(ныне — Пионерская площадь)

Ранним утром 22 декабря 1849 года 21 карета с осужденными петрашевцами в сопровождении конвоя конных жандармов тронулись из Петропавловской крепости. Окружным путем они следовали на Семеновский плац — огромную площадь между Фонтанкой и Обводным каналом, предназначенную для строевых занятий трех расположенных поблизости гвардейских полков: Семеновского, Егерского, Московского.

Петрашевцев высадили из карет у казарм Семеновского полка, примерно на углу нынешних улиц Звенигородской и Марата (тогда — Николаевской). Семеновский плац покрывал снег. Было очень холодно. Приговоренных арестовали в апреле, и они мерзли в весенней одежде, в которой их взяли под стражу. На плацу и крышах близлежащих зданий скопились горожане, привлеченные необычным зрелищем.

«Была тишина, утро ясного зимнего дня, и солнце, только что вошедшее, большим, красным шаром блистало на горизонте сквозь туман сгущенных облаков», — вспоминал один из осужденных Дмитрий Ахшарумов.

«Направившись вперед по снегу, я увидел налево от себя, среди площади, воздвигнутую постройку — подмости, помнится, квадратной формы, величиною в три-четыре сажени, со входною лестницею, и все обтянуто было черным трауром — наш эшафот. Тут же увидел я кучку товарищей, столпившихся вместе и протягивающих друг другу руки и приветствующих один другого после столь насильственной злополучной разлуки... Лица их были худые, замученные, бледные, вытянутые, у некоторых обросшие бородой и волосами... Вдруг все наши приветствия и разговоры прерваны были громким голосом подъехавшего к нам на лошади генерала, как видно распоряжавшегося всем...

— Теперь нечего прощаться! Становите их, — закричал он... После того подошел священник с крестом в руке и, став перед

нами, сказал: „Сегодня вы услышите справедливое решение вашего дела, — последуйте за мною!“ Нас повели на эшафот, но не прямо на него, а обходом, вдоль рядов войск, сомкнутых в каре... Священник, с крестом в руке, выступал впереди, за ним мы все шли один за другим по глубокому снегу... Нас интересовало всех, что будет с нами далее. Вскоре внимание наше обратилось на серые столбы, врытые с одной стороны эшафота; их было, сколько мне помнится, много... Мы медленно пробирались по снежному пути и подошли к эшафоту. Войдя на него, мы столпились все вместе... Нас поставили двумя рядами перпендикулярно к городскому валу... Когда мы были уже расставлены в означенном порядке, войскам скомандовано было „на караул“, и этот ружейный прием, исполненный одновременно несколькими полками, раздался по всей площади свойственным ему ударным звуком. Затем скомандовано было нам „шапки долой!“

...После того чиновник в мундире стал читать изложение вины каждого в отдельности, становясь против каждого из нас... Чтение это продолжалось добрых полчаса, мы все страшно зябли. По изложению вины каждого, конфирмация оканчивалась словами: „Полевой уголовный суд приговорил всех к смертной казни — расстрелянием, и 19-го сего декабря государь император собственноручно написал: «Быть по сему»“.

Мы все стояли в изумлении; чиновник сошел с эшафота. Затем нам поданы были белые балахоны и колпаки, саваны, и солдаты, стоявшие сзади нас, одевали нас в предсмертное одеяние... Взошел на эшафот священник... „Братья! Пред смертью надо покаяться... Кающемуся Спаситель прощает грехи... Я призываю вас к исповеди...“

Никто из нас не отозвался на призыв священника — мы стояли молча... Тогда один из нас — Тимковский — подошел к нему и, пошептавшись с ним, поцеловал Евангелие и возвратился на свое место...

Священник ушел, и сейчас же взошли несколько человек солдат к Петрашевскому, Спешневу и Момбелли, взяли их за руки... подвели их к серым столбам и стали привязывать каждого к отдельному столбу веревками... Им затагнули руки позади столбов и затем обвязали веревки поясом. Потом отдано было приказание „колпаки надвинуть на глаза“, после чего колпаки

опущены были на лица привязанных товарищей наших. Раздалась команда: „Клац“ — и вслед за тем группа солдат — их было человек шестнадцать, — стоявших у самого эшафота, по команде направила ружья к прицелу на Петрашевского, Спешнева и Момбелли...

Сердце замерло в ожидании, и страшный момент этот продолжался с полминуты... Но вслед за тем увидел я, что ружья, прицеленные, вдруг все были подняты стволами вверх. От сердца отлегло сразу, как бы свалился тесно сдавивший его камень. Затем стали отвязывать привязанных... и привели снова на прежние места их на эшафоте. Приехал какой-то экипаж — оттуда вышел офицер — флигель-адъютант — и привез какую-то бумагу, поданную немедленно к прочтению. В ней возвещалось нам дарование государем императором жизни и, взамен смертной казни, каждому, по виновности, особое наказание».

Достоевский был приговорен к четырем годам каторги и бессрочной солдатчине.

С петрашевцев сняли белые балахоны и капюшоны. На эшафот поднялись двое палачей. Они поставили на колени осужденных и у каждого над головой сломали шпагу. Затем каждый из осужденных получил арестантскую шапку, овчинный тулуп и сапоги, а на середину эшафота бросили груды кандалов. Двое кузнецов надевали на ноги осужденным тяжелые железные кольца и заклепывали их.

Воспоминание о Семеновском плаце навсегда осталось в памяти Достоевского. Он останавливался на нем и в своих устных рассказах, и в «Дневнике писателя». В романе «Идиот» воспоминание Достоевского об инсценировке казни вплелось в рассказ князя Мышкина о последнем дне приговоренного: «Потом, когда он простился с товарищами, настали те две минуты, которые он отсчитал, чтобы думать про себя; он знал заранее, о чем он будет думать: ему все хотелось представить себе как можно скорее и ярче, что вот как же это так: он теперь есть и живет, а через три минуты будет уже нечто, кто-то или что-то, — так кто же? Где же? Все это он думал в те две минуты решить. Невдалеке была церковь, и вершина собора с позолоченною крышей сверкала на ярком солнце. Он помнил, что ужасно упорно смотрел на эту крышу и на лучи, от нее сверкавшие; оторваться не мог от лучей:

Дом Домонтовичей,
Гороховая улица, 66

ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он через три минуты как-нибудь сольется с ними».

Солнце играло на куполе Введенского собора, разрушенного в 1930-е годы (сейчас в скверике напротив Витебского вокзала — памятный знак на месте храма).

В конце XIX века на месте плаца был организован ипподром. На рубеже 1950–1960-х годов на месте бывшего ипподрома разбита Пионерская площадь, построено здание Театра юных зрителей, поставлен довольно нелепый и устршающий памятник Александру Грибоедову.

ГОРОХОВАЯ УЛИЦА

Гороховая улица — одна из старейших в городе, ее трасса возникла еще при Петре I. Она входит в трехлучие улиц, сходящихся к Адмиралтейству, и его шпиль будет виден на всем протяжении нашего пути. Гороховая пересекает три протоки: Фонтанку, канал Грибоедова и Мойку и четыре части города Достоевского: казарменную в этом месте Московскую, торговую Спасскую, ремесленную Казанскую и аристократическую Адмиралтейскую.

Описание этой улицы мы находим в письме Макара Девушкина из «Бедных людей»: «Шумная улица! Какие лавки, магазины богатые; все так и блестит и горит, материя, цветы под стеклами, разные шляпки с лентами... богатая улица! Немецких булочников очень много живет в Гороховой; тоже, должно быть, народ весьма достаточный. Сколько карет поминутно ездит; как это все мостовая выносит!»

Это описание, конечно, иронично: Гороховая — главная улица, но в небогатом, ремесленном и чиновничьем районе города; ей далеко до Невского, Литейного, Морских.

Здесь же на Гороховой совершил свое преступление Николай Ставрогин — главный герой романа «Бесы». В своей исповеди он говорит: «Объявляю, что я забыл номер дома. Теперь, по справке, знаю, что старый дом сломан, перепродан и на месте двух или трех прежних домов стоит один новый, очень большой... Квартира была на дворе, в углу. Все произошло в июне. Дом был светло-голубого цвета».

ДОМ ДОМОНТОВИЧЕЙ

Гороховая улица, 66

Один из немногих сохранившихся доходных домов пушкинского времени. Построен в 1820-е годы неизвестным архитектором. Выразителен внутренний двор, сохранились интерьеры лестничных клеток.

*Дворы дома Петровых,
набережная реки Фонтанки, 92*

ДОМ ПЕТРОВЫХ

Набережная реки Фонтанки, 92

У пересечения Фонтанки с Гороховой, по обе стороны Семеновского моста, расположены предмостные площади. Еще в 1760-е годы Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга во главе с архитектором А. Квасовым разработала проект планировки прилегающих к Фонтанке кварталов и предмостных площадей в местах пересечения с основными улицами.

Семеновская площадь — одна из трех сохранившихся с тех времен. Ее часть на левом берегу, включающая дом Петровых — полукруглая, на другой стороне Фонтанки — прямоугольная часть площади.

Дом построен в начале XIX века неизвестным архитектором. Интересен внутренний двор с цилиндрическим флигелем, имеющим самостоятельный абсолютно круглый внутренний дворик (1822, архитектор И. Шарлемань).

Флигель дома Петровых,
набережная реки Фонтанки, 92